

УДК 167.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-38-50

ПОСЛЕ «БАШНИ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ»: НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕАЛ «ХОРОШО УПОРЯДОЧЕННОЙ НАУКИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru

В статье анализируются некоторые особенности концепции «хорошо упорядоченной науки» Ф. Китчера. Данная концепция фиксирует необходимость изменений в научной политике по мере нарастания диалога между наукой и политикой. Главной чертой этих изменений должна стать более глубокая взаимосвязь между этическими и эпистемическими аспектами принятия решений в науке. Автор занимает критическую позицию в отношении к представленной концепции и стремится показать, что образ «хорошо упорядоченной науки» создает лишь фикцию демократизации научной политики. В свою очередь, подход к организации дискуссии по поводу распределения финансирования и выбора приоритетов в исследовании также мало способствует реальной открытости науки. Автор полагает, что хотя «хорошо организованная наука» должна быть ориентирована на поиск компромисса в соотношении интересов ученых и людей вне науки, на деле американский философ занимает крайнюю позицию технократа и выступает в защиту «экспертного децизионизма». Между тем, поиск срединного пути между технократизмом и популизмом затрудняется кризисом доверия к современной науке. В статье дается краткая характеристика этой ситуации. По мнению автора, рост недоверия к интеллектуальным и политическим элитам в современном мире должен быть осмыслен в контексте тезиса о постправде, который нацелен на борьбу с «когнитивным авторитаризмом». В статье отстаивается тезис о том, в ситуации постправды каждый из нас нуждается в критериях, на основании которых мы могли бы делегировать доверие экспертам или другим носителям знания, не опасаясь попасть в ловушку легковерия. В качестве одного из таких критериев автор предлагает принцип эпистемической прозрачности – небольшой перечень вопросов, который позволит индивиду прояснить основания, на которых он разделяет те или иные убеждения.

Ключевые слова: научная политика, открытость, демократия, эпистемическая прозрачность, дениализм, технократизм и популизм

Цитирование: Тухватулина Л.А. После «башни из слоновой кости»: научная политика и идеал «хорошо упорядоченной науки» в современном мире // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 38-50. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-38-50

BEYOND THE IVORY TOWER: SCIENCE POLICY AND WELL-ORDERED SCIENCE IN THE MODERN WORLD

Liana A. Tukhvatulina – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

The author analyzes some of the features of the concept of “well-ordered science” by Philip Kitcher. This concept captures the need for changes in science policy as the dialogue between science and politics grows. The main feature of these changes should be a deeper relationship between ethical and epistemic aspects of decision-making in science. The author takes a critical position in relation to this concept. The author shows that the image of “well-ordered science” creates only a fiction of democratization in science policy. In turn, the approach to organizing the discussion about the allocation of funding and the choice of priorities in research also does little to contribute to the real openness of science. The author comes to the conclusion that although a “well-organized science” should be focused on finding a compromise in the balance of interests between scientists and people outside of science, in fact the American philosopher takes the extreme position of a technocrat and advocates “expert decisionism.” The author believes that the search for a middle path between technocracy and populism is hampered by a crisis of trust in modern science. The article gives a brief description of this situation. The author claims that the growing distrust of the intellectual and political elites in the modern world should be understood in the context of the post-truth thesis, which aims at combating “cognitive authoritarianism”. From the author's point of view, in a post-truth situation, each of us needs criteria on the basis of which we could delegate trust to experts or other bearers of knowledge without fear of falling into the trap of gullibility. As one of these criteria, the author proposes the principle of epistemic vigilance – a small list of questions that will allow an individual to clarify the grounds on which he shares certain beliefs.

Keywords: science policy, openness, democracy, epistemic vigilance, denialism, technocracy and populism

For References: Tukhvatulina, Liana. 2021. Beyond the Ivory Tower: science policy and well-ordered science in the modern world, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (4): 38-50. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-38-50 (In Russian)

«Повсеместность» науки в современном мире кажется очевидным фактом. Сегодня научные рекомендации и мнения экспертов определяют спектр возможных решений как в бытовых вопросах (будь то советы по рациональному питанию или творческой продуктивности), так и на политическом уровне (императивы технократизма в принятии политических решений во многом калькируют позитивистские эталоны научной рациональности). Расширение влияния становится причиной растущего интереса аудитории к науке – главным образом, к тем ее областям, которые напрямую влияют на процесс принятия общезначимых решений. Этот запрос находит отклик в работах многих зарубежных исследователей науки и техники, которые стремятся найти рациональный подход к согласованию внешних ожиданий от науки и ее внутренних целей.

Разрушение «башни из слоновой кости» (главным образом, в рамках экспертной деятельности ученых) предполагает некоторые изменения и на уровне научной рациональности. Осмысление специфики этих изменений требует отдельных исследований и выносятся за рамки данной статьи. Здесь стоит лишь предварительно отметить, что экспертное знание в некотором смысле противоречит природе научной рациональности. Практические задачи экспертизы нередко требуют искусственного приостановления научных дискуссий, которые не позволяют достичь консенсуса в обозримые сроки. Кроме того, экспертное знание зачастую обретает рецептурный характер, поскольку именно руководства к действию ожидают от экспертов политические элиты и публика. Все это возлагает бремя огромной моральной ответственности на ученых, которые, как известно, всегда стремились дистанцироваться от участия в решении вопросов о добре и зле. Отчасти это расхождение в научной и экспертной рациональности может компенсироваться через ограничение двух фаз экспертизы: технической (агрегацией консолидированного мнения ученых по проблеме) и этической (широкого общественного обсуждения предлагаемых решений). Однако в ряде экспертных кейсов, требующих «чрезвычайных решений», такое разграничение не может быть реализовано.

Осмысление статуса экспертной рациональности происходит в русле дискуссий о перспективах демократизации науки в целом. В этой связи достаточно показательна позиция крупного американского философа науки Филипа Китчера, который критикует позитивистские критерии точности и прогресса в познании как *ultima ratio* науки. В качестве альтернативы этим критериям Китчер формулирует принцип «хорошо упорядоченной науки» (*well-ordered science*), которая отвечает на правильные (*right*) вопросы правильным образом и где ценностные и методологические основания переплетаются по мере установления «правильности». В модели «хорошо организованной науки» особенно значим этический аспект: Китчер, например, считает предосудительным вложение

колоссальных материальных и интеллектуальных ресурсов в поиск средств продления и улучшения качества жизни в странах первого мира, поскольку это происходит за счет тех ресурсов, которые могли бы быть затрачены на решение гуманитарных проблем стран третьего мира. Эти проблемы должны быть в приоритете, потому что их решение при сравнительно малых издержках существенно улучшит качество жизни миллионов людей. Речь, в частности, может идти о более активной борьбе с инфекционными заболеваниями и поиске технологических решений, связанных с доставкой вакцин в труднодоступные регионы в отсутствие морозильных камер.

Китчер предполагает, что принятие решений в науке, как и в любой другой области, требует оптимального распределения ограниченных ресурсов, где оптимальность измеряется в том числе и упущенными выгодами. Как следствие, сама постановка вопросов, которые выходят на передний план в исследованиях, становится предметом морального выбора. По мнению Китчера, ответственность ученых здесь не ограничивается критериями научной добросовестности, но требует взвешенного ответа на вопрос о том, чем именно наука собирается «одарить» общество. Идеал «хорошо упорядоченной науки» заостряет этические основания традиционных эпистемических вопросов: «1) какие задачи *могут* быть решены в заданное время? 2) каковы последствия предпочтения определенных задач и направлений исследования? 3) какие методы могут дать нам желаемый результат: чего именно они позволят достигнуть и какова цена этих достижений?» (цит. по [Cartwright, 2006, p. 982]).

Ответ на эти вопросы делает необходимой перенастройку в саморегуляции науки. Сегодня миссия ученых не может ограничиваться позитивистским тезисом о самоценности всякого знания [Вебер, 1990]. И нужно заметить, что эта перенастройка уже отчасти реализуется в таких чувствительных областях науки, как, например, генетика или фармакология, где валидация результатов предполагает нормативную оценку соответствия процедуры исследования не только методологическим, но и жестким этическим регламентам. Здесь этика науки накладывает ограничения на поиск истины «любой ценой», интериоризируя внешние для науки нормы и превращая их в эпистемические императивы.

Соответствие эталону «хорошо организованной науки» предполагает расширение моральной ответственности научного сообщества – отныне она не ограничивается ответственностью за результат познания, но включает и ответственность за затраченный ресурс (не столько материально-технический, сколько интеллектуальный). В отношении моральной ответственности ученых Китчер занимает однозначную позицию: ориентир на практическую полезность должен превалировать над стремлением отодвинуть горизонты знания. Не столько моделирование будущего, сколько решение проблем настоящего должны определять политику науки в условиях тотальной зависимости общества от профессионального знания. Такого рода подход к регуляции науки требует открытой

делиберации, которая осуществляется по следующему алгоритму: «В соответствии с бюджетом обсуждаются опции распределения ресурсов между научными проектами, которые укладываются в те моральные рамки, о которых договорились идеальные участники дискуссии. Из этого набора выбирается вариант, обещающий максимальную полезность. Сама полезность задается на основе коллективных пожеланий (collective wish list) и с учетом вероятностей, определенных экспертами» [Kitcher, 2001, p. 121]. Китчер надеется, что такое ограничение участия внешнего наблюдателя (общества) позволит науке выполнить свои социальные обязательства, не утрачивая при этом автономии. И все же он остается защитником «башни из слоновой кости», поскольку никогда всерьез не обсуждает возможности реального участия общественности в экспертизе. Кроме того, даже такое ограниченное участие публики в принятии решений по поводу науки лишь на первый взгляд предстает демократичным. На деле рациональные основания «идеальной дискуссии» заданы таким образом, что внешние участники оценивают альтернативы, измеряют полезность и оценивают целесообразность тех или иных научных проектов по критериям, сформулированным экспертами. Как следствие, такая «предконструированная» дискуссия никогда не даст неожиданных результатов – она может лишь помочь легитимизировать решения, принятые экспертным сообществом «за закрытыми дверями».

В целом, теория рационального выбора, к которой апеллирует Китчер, используется в качестве средства нейтрализации ценностно-мировоззренческих разногласий и установления общезначимых критериев для дискуссии. Однако исследователи отмечают, что обращение к этой теории в публичной политике служит вовсе не интересам демократии, а легитимизации так называемого децизионизма – режима единоличного принятия решений под личиной репрезентации общей воли. Между тем, в основе децизионизма – утрата веры в индивидуальную или коллективную рациональность людей и, как следствие, стремление во что бы то ни стало не допустить их к принятию ответственных политических решений. В этой связи показательно, что Китчер использует именно нелиберальный жаргон. По-видимому, его проект демократизации науки вовсе не ориентирован на развитие реального диалога ученых и общественности. Китчер потому ограничивает роль общественности внешним контролем за распределением ресурсов, что не верит в целесообразность открытости экспертизы. Именно поэтому обыватель последовательно вытесняется фигурой абстрактного «идеального переговорщика»: «вместо близоруких избирателей, делающих выбор в условиях незнания последствий, вместо тех, кто полностью погряз в собственных эгоистических желаниях, идеальные переговорщики – это те, кто имеет обширное видение различных траекторий исследования, того, что может быть достигнуто, каким образом те или иные результаты повлияют на других людей, каким образом эти другие формулируют свои стартовые предпочтения»

[Kitcher, 2012, p. 371]. По сути, идеальные переговорщики – это те же эксперты, которые агрегируют общественный запрос и оценивают перспективы его реализации. А значит, идеальный переговорщик – это тот, кто говорит от имени обывателя, никогда не становясь реальным выразителем его (порочной) воли. Китчер выступает с позиций «экспертного децизионизма», стремясь обосновать легитимность официальной экспертизы под вывеской ее демократизации. Неслучайно один из наиболее ярых критиков Китчера, экономист Филип Миrowsки, считает тезис об идеальной дискуссии не более чем спекуляцией: «сочинять красивые сказочки о демократических плебисцитах, распределяющих правительственное финансирование науки, игнорируя контроль корпораций над научными исследованиями и интеллектуальной собственностью – не это ли образцовый пример того, что Мангейм называл “идеологическим дискурсом”?» [Mirowski, 2004, p. 321].

И все же Китчер принимает то обстоятельство, что консенсус между элитами (интеллектуальными и политическими) и массами в современном обществе не может основываться на жестком разграничении полномочий: одни принимают решения, а другие лишь слепо им следуют. Решение современных глобальных проблем – таких, как снижение биоразнообразия, изменение климата, антибиотикорезистентность и угроза «суперинфекций» – невозможно без добровольных изменений в потребительских привычках и рутине людей, далеких от науки. В свою очередь, готовность к таким изменениям определяется мерой доверия к элитам и ощущением влияния на их решения. А значит, поиск новых «точек доступа» к науке и экспертизе требует институциональных преобразований, сопряженных с определенными рисками. И пусть «идеальная дискуссия» создает лишь фикцию открытости науки, но и эту модель можно рассматривать как один из ответов на теоретический вызов: поиск серединного пути между технократизмом и популизмом по мере разрушения «башни из слоновой кости» [Collins, Evans, 2019]. Задача здесь состоит в том, чтобы найти оптимальный способ соучастия граждан в процессе экспертизы, не жертвуя при этом качеством экспертизы в пользу ее соответствия ожиданиям (не всегда рациональным) обывателя. Другой риск связан с тем, что обе эти крайности предполагают недоверие к противоположной стороне и блокируют возможность взвешенной оценки интересов разных акторов.

Поиск серединного пути осложняет неоднозначное отношение публики к науке и ее «дарам». С одной стороны, решение глобальных проблем, с которыми сегодня сталкивается человечество, связывается с надеждой на революционные достижения ученых. С другой стороны, удивительные открытия и прорывные технологии, которые создает наука, парадоксальным образом не способствуют разубеждению скептиков. Одним из тревожных проявлений недоверия к науке становится дениализм (denialism), связанный с отрицанием научного консенсуса вне нормативных рамок науч-

ной дискуссии¹. Наиболее известные формы дениализма связаны с отрицанием климатических изменений, борьбой с ГМО, антивакцинаторством, ВИЧ-диссидентством [Epstein, 1995]. Распространенность дениалистских убеждений создает новые глобальные риски: массовый отказ от вакцинации угрожает новыми эпидемиями, а отрицание климатических изменений некоторыми представителями политических элит обесценивает усилия мирового сообщества в борьбе за «зеленое» будущее. Несмотря на то, что феномен дениализма активно обсуждается в современных социальных науках, едва ли можно говорить о наличии единства в понимании стратегий борьбы с дениализмом. Радикальные меры, связанные с принуждением (например, к вакцинации) и санкциями, в современном мире выглядят архаичными и вызывают еще большее сопротивление. Кроме того, радикализм разрушает ценностно-нормативный консенсус в современных сообществах: будучи ориентированными на открытость, инклюзию и разнообразие, они болезненно относятся к политическим мерам авторитарно-директивного характера. Побочным следствием жесткого политического принуждения становится утрата лояльности и доверия элитам. В то же время риторические стратегии лидеров дениалистских движений, как правило, нацелены именно на дискредитацию официальных лиц. Целостное осмысление проблемы дениализма требует большого междисциплинарного исследования.

В рамках данной статьи следует лишь подчеркнуть, что вызовы дениализма предполагают переосмысление наивного образа науки, который культивировался философией науки. Нэнси Картрайт считает, что «мы, философы, склонны верить в позитивистско-попперианскую картину точной науки (*exact science*) – а именно, в идею о том, что наука может давать стабильные непротиворечивые результаты, которые я называю *off-the-shelf results*. Это те результаты, которые помещаются “на полку” и становятся доступны для широкой аудитории. Теперь их можно взять с полки и применить для решения задач в конкретных обстоятельствах» [Cartwright, 2006, p. 983]. Концептуализация нового образа науки потребует отказа от иерархической модели «поставщик-потребитель». На необходимость таких изменений указывает целый ряд работ, в которых было показано, что статусные ограничения на доступ к экспертизе становятся причиной эпистемической несправедливости и неэффективности экспертных решений². Главный принцип защитников коммуникативного подхода в экспертизе состоит в отказе от убеждения о том, что истина – это «кролик из шляпы», которого достают эксперты: «в демократическом обществе публичная истина (*public truths*) – это коллективное благо,

¹ О дениализме как форме недобросовестного скепсиса см. [Slater et al., 2018]. Типология дениализма и анализ некоторых эпистемических пороков носителей дениалистских убеждений представлена в статье: [Шевченко, Тухватулина, 2020].

² Провалы экспертизы, связанные с недостаточным участием одной из заинтересованных сторон в процессе производства знания, показаны в целом ряде ситуационных исследований последних лет (напр.: [Fischer, 2000; Krauss, von Storch, 2012; Barrotta, Montuschi, 2018, Durant, 2020; Шевченко, 2020] и др.)

которое достигается путем долгой дискуссии о ценностях и постепенным отсевом альтернативных интерпретаций на основе соответствующих наблюдений и аргументов. Это обсуждение включает вопросы о том, какие проблемы заслуживают общественного внимания, за какой образ реальности следует бороться, а также что есть правда и ложь в мнениях профессиональных экспертов» [Jasanoff, Simmet, 2017, p. 763].

Призыв к открытой дискуссии о ценностях и образе блага в современном мире должен быть соотнесен с контекстом постправды. Внимание к феномену постправды оправдано в свете тех соображений, которые формулируют защитники идеи демократизации экспертизы. Дело в том, что требование вовлечения широкой общественности в обсуждение экспертных стратегий основывается на признании огромного ресурса влияния, который имеют аффилированные эксперты. Их принадлежность к научным организациям и возможность непосредственного диалога с политическими элитами всегда дает им колоссальные преимущества во влиянии на общественную повестку. Сторонники демократизации, в свою очередь, стремятся компенсировать эту «естественную монополию» на экспертизу. Однако современное медиапространство создает огромные возможности для представления альтернативных официальной экспертизе точек зрения. Интернет снимает барьеры в распространении информации и отчасти компенсирует всевластие экспертов, создавая «точки доступа» к контр-экспертизе. В этой связи главной проблемой становится не столько обеспечение конкуренции идей, сколько поиск понятных критериев, которые помогли бы обывателю сориентироваться в информационном потоке и не попасть в ловушку дениализма. Затруднение для последовательного обоснования таких критериев, на мой взгляд, создает именно легитимизация постправды. Согласно этому тезису, всякая интеллектуальная практика является не более чем языковой игрой, функционирующей по своим внутренним правилам в отсутствие универсальных критериев. Каждая из них борется за монополию на построение образа реальности и за признание его универсальности. Отсюда, любая попытка построения иерархий между различными системами знания не имеет под собой эпистемических оснований и выражает исключительно политические притязания (стремление к влиянию на целеполагание и действия человека). Тезис о постправде придает внешнюю респектабельность критике научной рациональности, с которой выступают представители различных антинаучных движений.

В свою очередь, постправда, как и всякий радикально-релятивистский тезис, кажется неуязвимой для критики. Борьба с «когнитивным авторитаризмом» (именно так определяет этический смысл тезиса о постправде в своей книге Стив Фуллер [Фуллер, 2021]) основывается на признании контекстуальной детерминированности

познания: стандарты получения и валидации знания не являются универсальными, а значит и критика альтернативных систем знания не может иметь достаточных эпистемических оснований. При всей последовательности в критике объективизма, тезис о постправде культивирует подозрительность, лишает субъекта всякой возможности оценить надежность предлагаемой информации и навигации в мире «конкурирующих истин». Между тем, в условиях нарастающего разделения когнитивного труда именно доверие компенсирует неизбежные эпистемические и коммуникативные разрывы. В этих условиях экспертность существует в более или менее узком коридоре знания, за пределами которого всякий эксперт неизбежно стоит на позиции обывателя. Поэтому вопрос о поиске оснований для доверия разным источникам знания, который был бы совместим с тезисом о постправде, кажется нам особенно важным.

На мой взгляд, разрешению этой проблемы может способствовать разработка понятия эпистемической прозорливости (*epistemic vigilance*). Эта категория в ряде исследований фиксирует комплекс способностей субъекта оценивать информацию и ее источник как заслуживающие или не заслуживающие доверия [Sperber et al., 2010]. Психологи-когнитивисты отмечают, что эта способность формируется еще в детстве и выполняет функцию навигации в информационном потоке в условиях, когда недостаток знаний и опыта у ребенка компенсируется доверием более опытному и компетентному источнику. С их точки зрения, дети полагаются на такие маркеры доверия, как моральный облик информатора; точность информации, полученной от информатора в прошлом; а также оценку того, насколько информатор в принципе может иметь доступ к надежной информации. Помимо доверия к источнику, которое основано на критериях честности и компетентности, сама получаемая информация может быть оценена с точки зрения ее согласованности и последовательности (ее соответствия некоторым базовым убеждениям познающего субъекта [ребенка]).

Позицию обывателя в отношении к экспертам как носителям узкоспециального знания, которое мы в силу различных ограничений вынуждены воспринимать лишь как знание-свидетельство, в некотором отношении можно сравнить с позицией ребенка, доверяющего взрослому. Это сходство состоит в том, что доверие к экспертному знанию нередко основывается лишь на внешних признаках его надежности.

Названные выше критерии во многом созвучны перечню вопросов от Элвина Голдмана, ответы на которые помогут обывателю определить меру экспертности того или иного носителя знания [Goldman, 1999]. Голдман отмечает, что обыватель далеко не всегда способен оценить содержательные характеристики экспертизы, однако он все же способен идентифицировать заслуживающего

доверия эксперта, пользуясь критерием «диалектического превосходства» (dialectic superiority). Так, внимание должно быть направлено на то, 1) насколько убедительно эксперт X оппонирует критикам; 2) разделяют ли другие эксперты в данной области позицию эксперта X; 3) обладает ли он институциональными признаками экспертизы в данной области (имеет ли соответствующие регалии и профессиональный опыт); 4) находится ли эксперт X в ситуации конфликта интересов и может ли быть уличен в предвзятости; 5) каковы предшествующие результаты эксперта X в экспертизе в данной области. Поиск ответов на эти вопросы требует беспристрастности оценивающего и его готовности к собственному небольшому исследованию экспертного кейса.

При этом очевидны как минимум два аспекта, которые указывают на уязвимость критериев Голдмана. Во-первых, такого рода рациональные критерии могут лишь отчасти компенсировать эффекты, возникающие благодаря определенным когнитивным искажениям и установкам, подталкивающим нас к некритичности и легковерию при восприятии информации (см.: [Pierson, Goodman, 2014; Blancke, Boundry, Braeckman, 2019] и др.). Во-вторых, что важнее, следование этому перечню предполагает, что субъект знаком с принципами научной рациональности и нормами научного этиоса. А значит, этот перечень рассчитан на тех, кто уже склонен доверять официальной науке, и пригоден лишь для идентификации маргинальных точек зрения, которые иногда транслируют люди с академическими степенями и званиями, выдавая их за научный консенсус. В то же время эти вопросы едва ли могут быть использованы для завоевания доверия у адептов альтернативных науке систем знания.

Иными словами, критерии Э. Голдмана (одного из главных защитников веритизма) работают лишь при условии признания верховенства науки как системы агрегации истины. В свою очередь, радикальный релятивизм постправды не оставляет ни эпистемических, ни этических ресурсов для защиты веритизма, не предлагая в то же время и критериев для предпочтения иного эпистемического порядка. Вопрос о навигации, необходимой субъекту в мире разрушенных когнитивных иерархий, кажется, остается без ответа. При этом в отсутствие адекватного философского решения этой проблемы повестка оказывается перехвачена когнитивистами и представителями поведенческой экономики. Эти исследователи, в отличие от многих философов, не разделяют оптимизма по поводу стремления субъекта к рациональному доверию и предлагают гораздо более радикальные технологические решения (изменения архитектуры интернет-платформ и соцсетей, которые позволят «подталкивать» (nudge) пользователя к «правильной» информации) [см. напр. Lorenz-Spreen et al., 2020].

На мой взгляд, философская разработка совместимых с тезисом о постправде критериев доверия возможна в контексте эпистемической прозорливости. Так, следуя тезису постправды, субъект в праве выби-

рать науку и научную экспертизу (как и альтернативные интеллектуальные практики) в качестве предпочтительных «языковых игр». При этом субъект должен сохранять некоторую критическую дистанцию, признавая контекстуальную обусловленность всякой языковой игры и стремясь к пониманию оснований, на которых он в нее вступает. В контексте постправды эпистемическая прозорливость требует внимания не столько к объективным критериям истинности знания, сколько к личным основаниям субъекта доверять или не доверять ему. Общие вопросы, которые позволят прояснить эти основания, могут быть такими: 1) какой тип знания/точка зрения на проблему мне кажется предпочтительным? 2) каковы мои основания для предпочтения этого типа знания/этой позиции? 3) что мне известно о конкурирующих системах знания (позициях по той или иной проблеме)? 4) в чем уязвимость моей позиции для критики? и др. Эти вопросы во многом созвучны тем, что предлагает задавать экспертам Э. Голдман. Однако данный перечень не навязывает стандарты научной рациональности в оценке всех прочих систем знания и не требует непременно признания верховенства науки. Эти критерии нацелены лишь на то, чтобы индивид понимал, *почему* он выказывает доверие тем или иным экспертам. Принцип эпистемической прозорливости не содержит скрытых идеологических предпосылок и не предполагает обязательного предпочтения науки и ее «даров» в сравнении со всеми прочими интеллектуальными практиками. Однако проясненность (пусть и субъективная) оснований, с одной стороны, даст возможность избежать случайного попадания в дениалистские сети, а с другой стороны, станет условием ответственности субъекта за формирование его убеждений. Эпистемическая прозорливость прежде всего необходима для того, чтобы борьба с «когнитивным авторитаризмом» в информационном обществе не оборачивалась заменой одних идолов на другие.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Вебер, 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред., послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Фуллер, 2021 – *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Шевченко, 2020 – *Шевченко С. Ю.* Презирать и подсказывать: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 20–32.

Шевченко, Тухватулина, 2020 – *Шевченко С. Ю., Тухватулина Л. А.* Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // *Вопросы философии*. 2020. № 11. С. 109–119.

Barrotta, Montuschi, 2018 – *Barrotta P., Montuschi E.* Expertise, relevance and types of knowledge // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32. No. 6. P. 387–396.

Blancke, Boundry, Braeckman, 2019 – *Blancke S., Boundry M., Braeckman J.* Reasonable irrationality: the role of reasons in the diffusion of pseudoscience // *Journal of Cognition and Culture*. 2019. Vol. 19. No. 5. P. 432–449.

Cartwright, 2006 – *Cartwright N.* Well-ordered science: evidence for use // *Philosophy of Science*. 2006. Vol. 73. No. 5. P. 981–990.

Collins, Evans, 2019 – *Collins H. M., Evans R.* Populism and science // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56. № 4. С. 200–218.

Durant, 2020 – *Durant J.* Ignorance loops: how non-knowledge about bee-toxic agrochemicals is iteratively produced // *Social Studies of Science*. 2020. Vol. 50. No. 5. P. 751–777, doi: 10.1177/0306312720923390.org/10.11776312720923390.

Epstein, 1995 – *Epstein S.* The construction of lay expertise: AIDS activism and the forging of credibility in the reform of clinical trials // *Science, Technology and Human Values*. 1995. Vol. 20. No. 4. P. 408–437.

Fischer, 2000 – *Fischer F.* Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge. Durham, L.: Duke University Press, 2000. 352 p.

Goldman, 1999 – Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Jasanoff, Simmet, 2017 – *Jasanoff S., Simmet H. R.* No funeral bells: public reason in a 'post-truth' age // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47. No. 5. P. 751–770.

Kitcher, 2012 – *Kitcher P.* Preludes to Pragmatism: Toward a Reconstruction of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2012. 464 p.

Kitcher, 2001– *Kitcher P.* Science, Truth and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2001. 240 p.

Krauss, von Storch, 2012 – *Krauss W., von Storch H.* Post-normal practices between regional climate services and local knowledge // *Nature and Culture*. 2012. Vol. 7. No. 2. P. 213–230, doi: 10.3167/nc.2012.070206.

Lorenz-Spreen et al., 2020 – *Lorenz-Spreen P., Lewandowsky S., Sunstein C. R., & Hertwig R.* How behavioural sciences can promote truth, autonomy and democratic discourse online // *Nature. Human Behavior*. 2020. Vol. 4. No. 11, doi: 10.1038/s41562-020-0889-7.

Mirowski, 2004 – *Mirowski P.* The scientific dimensions of social knowledge and their distant echoes in 20th century American philosophy of science // *Studies in the History and Philosophy of Science Part A*. 2004. Vol. 35. No. 2. P. 283–326.

Pierson, Goodman, 2014 – *Pierson E., Goodman N.* Uncertainty and denial: a resource-rational model of the value of information // *PLoS ONE*. 2014. 9(11): e113342, doi:10.1371/journal.pone.0113342.

Slater et al., 2018, web – *Slater M. H., Huxster J. K., Bresticker J. E. & LoPiccolo V.* Denialism as applied skepticism: philosophical and empirical considerations // *Erkenntniss*. Publ. online 20 August 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0054-0> (дата обращения: 12.09.2021).

Sperber et al., 2010 – Sperber D., Ement F. C., Heintz C., Mascaro O. Epistemic vigilance // *Mind & Language*. 2010. Vol. 5. No. 4. P. 359–393.

References

Barrotta, P., Montuschi, E. “Expertise, relevance and types of knowledge”, *Social Epistemology*, 2018, vol. 32, no. 6, pp. 387–396.

Blancke, S., Boundry, M., Braeckman, J. “Reasonable irrationality: the role of reasons in the diffusion of pseudoscience”, *Journal of Cognition and Culture*, 2019, vol. 19, no. 5, pp. 432–449.

Cartwright, N. “Well-ordered science: evidence for use”, *Philosophy of Science*, 2006, vol. 73, no. 5, pp. 981–990.

Collins, H.M., Evans, R. “Populism and science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 56, no. 4, pp. 200–218.

Durant, J. “Ignorance loops: how non-knowledge about bee-toxic agrochemicals is iteratively produced”, *Social Studies of Science*, 2020, vol. 50, no. 5, pp. 751–777.

Epstein, S. “The construction of lay expertise: AIDS activism and the forging of credibility in the reform of clinical trials”, *Science, Technology and Human Values*, 1995, vol. 20, no. 4., pp. 408–437.

Fischer, F. *Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge*. Durham, London: Duke University Press, 1992.

Fuller, S. *Postpravda. Znanie kak borba za vlast* [Post-truth: Knowledge as Power], trans. by D. Kralechkin. Moscow: HSE Publ., 2021. (In Russian)

Goldman, A. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Jasanoff, S., Simmet, H.R. “No funeral bells: public reason in a ‘post-truth’ age”, *Social Studies of Science*, 2017, vol. 47, no. 5, pp. 751–770.

Kitcher, P. *Preludes to Pragmatism: Toward a Reconstruction of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Kitcher, P. *Science, Truth and Democracy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Krauss, W., von Stroch, H. “Post-normal practices between regional climate services and local knowledge”, *Nature and Culture*, 2012, vol. 7, no. 2, pp. 213–230.

Lorenz-Spreen, P., Lewandowsky, S., Sunstein, C.R., & Hertwig, R. “How behavioural sciences can promote truth, autonomy and democratic discourse online”, *Nature. Human Behavior*, 2020, vol. 4, no. 11, doi: 10.1038/s41562-020-0889-7.

Mirowski, P. “The scientific dimensions of social knowledge and their distant echoes in 20th century American philosophy of science”, *Studies in the History and Philosophy of Science Part A*, 2004, vol. 35, no. 2, pp. 283–326.

Pierson, E., Goodman, N. “Uncertainty and denial: a resource-rational model of the value of information”, *PLoS ONE*, 2014, vol. 9, no. 11: e113342, doi:10.1371/journal.pone.0113342.

Shevchenko, S.Yu. “Prezirat i podskazyvat: epistemicheskaya nespravedlivost i kontr-ekspertiza” [Incline and admonish: epistemic injustice and counter-expertise], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 20–32. (In Russian)

Shevchenko, S.Yu., Tukhvatulina, L.A. “Nesvyataya prostota: epistemologiya dobrodetey i tri strategii otritsaniya nauchnogo znaniya” [Unholy simplicity: virtue epistemology and the three strategies of scientific denialism], *Voprosy filosofii*, 2020, no. 11, pp. 109–119. (In Russian)

Slater, M.H., Huxster, J.K., Bresticker, J.E. & LoPiccolo, V. “Denialism as applied skepticism: Philosophical and empirical considerations”, *Erkenntnis*, publ. online 20 August 2018. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10670-018-0054-0> (accessed on September 10, 2021).

Sperber, D., Ement, F.C., Heintz, C., Mascaro, O. “Epistemic vigilance”, *Mind & Language*, 2010, vol. 25, no. 4, pp. 359–393.

Weber, M. “Nauka kak prizvanie i professiya” [Wisshenschaft als Beruf], in: Yu. N. Davydov (ed.). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 707–735.

Поступила в редакцию 29.11.2021